

Геннадий Ёмкин

Геннадий Максимович Ёмкин – родился в 1961 году в городе Арзамасе (ныне Саров). Окончил Лукояновское педагогическое училище по специальности «преподаватель физкультуры», затем Арзамасский педагогический институт (биолого-химический факультет). Проходил воинскую службу в Туркмении, Афганистане, на Дальнем Востоке. Работал учителем в школе, лаборантом, инженером, оператором котельной, таксистом. Публиковался в региональных и центральных изданиях, автор трёх стихотворных сборников: «Мне навеки дарована Русь», «Пусть в жизни всё произойдёт», «Княжий цит». Член Союза писателей России. Живёт в Сарове Нижегородской области.

О РУСЬ, ДРАГОЦЕННАЯ ЛАДА!

К стихам Татьяны Грибановой

Среди многих современных поэтов не часто встретишь тех, кто так же, как Татьяна Грибанова, свободно, спокойно и естественно говорят в стихах о своей сопричастности, неотделимости себя от окружающего мира. У неё эта способность словно впитана с первыми лучами солнца, осветившими её, с первыми звуками и красками природы, что открылись и сопровождают автора теперь по жизни. Потребность делиться увиденным и прочувствованным, размышлениями для неё стала такой же необходимостью, как дыхание.

Никому не ведомо, что творится в душе поэта, как тонкие движения и яростные порывы в ней влияют на ход мыслей. А они, в свою очередь, то переплетаясь, то в метаниях своих расходясь в стороны, держат автора в постоянном нервном напряжении; даже, казалось, найдя согласие между собою и ним, думающим, что это он движет процессом творчества, а на самом деле, отдаваясь ритму, мелодике, ищет лишь формы, определяет развитие сюжета, рифму, звукопись и бьётся над массой прочих литературных необходимостей. По крайней мере, я так представляю себе творческий процесс, возникающий порой от самых непредсказуемых факторов и явлений, среди которых могут быть вещи и совершенно потрясшие, и восхитившие человека, так и самые рядовые, из бытийного ли окружения, или из высоких и тонких сфер.

Стихи Татьяны Грибановой настолько искусно и тонко написаны, облечены в такие формы и слова, что принимаешь их совершенно свободно, без напряжения, видя картины и представляя образы, чувствуя ход мысли, удивляясь и отмечая при этом про себя, что и сам ты, наблюдая в жизни подобные картины и сюжеты, не раз испытывал сходные чувства и томление души. Но, но, но... прочёл это только сейчас, удивившись простоте, с которой так образно и прочувствованно можно передать желаемое.

Будучи наравне с читателем и говоря совершенно простым языком, Татьяна Грибанова легко вовлекает его в свой мир словами такими же привычными, что и растущая вдоль любой тропинки трава. Только имея особый взгляд, усмотрев их, ЭТИ СЛОВА, с благодарностью поклонившись каждому, она собрала, заранее видя, зная и место им, и весомость каждого. Пример? Пожалуйста:

*Сверну налево / за овсяным стогом, / а дальше – / полем звонких зеленей.
Постилкой домотканой / дорога / ложится до ближайших росстаней.
Щенком ласкается туман осенний, / меня не хочет, видно, отпускать.
Прощальный взгляд / и взмах руки последний, / но не уходит от калитки мать...*

*...Ещё светло, / а месяц тонкорогий / уже серпит / татарник на лугу.
И моросит, / и на сердце тревога. / Душа болит – / вернуться не могу.*

*Меня по-свойски ветер понимает: / по-бабьи воет / в тощем лозняке,
рыдает на груди, / и обнимает, / и стонет / у моста / на сквозняке.*

Если же такие слова не открывают сейчас же тот мир, что стоит за ними, то, откладывая их в тайные уголки души, поэт знает, что они, напомнив о себе позже, и откроются во всей красоте своей. Хорошее, доброе слово никогда ещё не было в тягость душе. «Будьте, как они! Или же, ближе к ним!» – говорил Господь всем, кто слышит его, отмечая чистого, светлого делами и помыслами человека среди прочих. Вот так и поэт, «найдя слова золотые», наполнив их теплом и доверительностью, открывая читателю свой мир, предлагает тому через это сделать мир и окружающий его, и даже дальний (вспомните, как отзывается эхо в лесу или расходятся круги по воде!) светлее и лучше.

По моему глубокому убеждению, в большинстве случаев самые чистые, откровенные и глубокие стихи пишутся влёт! Но говорить, что они пришли легко, конечно, не стоит, так как в душе поэта, в его сознании и подсознании идёт непрерывная работа – та, что является основой для его напряжённых или мгновенных решений и находок. Таких стихов, словно выдох, у Татьяны много. Возьмём, к примеру, стихотворение «Лето»:

*Сквозь тюли капало, текло / веснушка за веснушкой,
им, золотым, подсчёт вело / наперебой с кукушкой.*

*До гольши разнагишась, / ронялось с плёхом в плёсы,
стирало дней цветастых бязь / под вечер в рясных росах.*

*И на крылечко наугад, / на манкий свет светила,
лишь угли дожуёт закат, / к нам бражницей спешило.*

*И птицей Сирином в окно / вещало сны подлуны.
И драгоценное вино / варило из петуний.*

Или вот эти строки:

*...Далёкий скрип телеги в поле, / И вновь – анисовый покой.
Здесь всё идёт по Божьей воле, / До неба здесь подать рукой.*

*Толпой бегут под горку сливы, / И в окна с простенькой резьбой
Крадётся вечер сиротливый...*

Или эти:

*...Помолчи, посиди со мной. / Гаснет август. Прислушайся: сливы
С веток капают по одной, / Словно звёзд переспелых ливень.*

*На болотах – не он ли виной? – / Безнадёжно рыдают выи.
Эту терпкую ночь, как вино, / Ты до капли из рук моих выпей...*

В других стихах мы видим, как размышления о прошлом, через осознание настоящего, сопрягая переживания и надежды, вызывают к будущему:

*О Русь! О милая Святыня! / Алтарный свет ржаных полос...
Плакун-трава, дожди грибные, / С часовой ветхою погост...
Полита кровушкой и потом / Здесь каждая земная пядь.
За тяжкий крест под небосводом / Покров простёрла Божья Мать.
Ах, эта доля, эта доля... / По силе духа, видно, крест...
Какой пронзительною болью / Голосит нынче Благовест.
Голбец напомнит у дороги, / Рванётся птичий (бабий?) крик,
Как раскулаченный в остроги / Брёл измороженный мужик.
То по деяням наказанье, / Или глумится сатана? –
Вновь заколочено, в бурьяне, / Моё село... моя страна...*

*Мужик поёт о доле нищей? / Землицы ль задичалой стон?
А может, веет с пепелища / Сгоревших заживо икон?*

*Гей, Муромцы! Гей, Пересветы! / Кипят кровя славянских вен!
Пожарский Дмитрий, слышишь, где ты? / Пора России встать с колен!*

Влюблённость во всё отеческое, что дорого от века, о котором

...Душа за воротами рая / Не сможет не нить о земле...

Во всё то, откуда от земного до небесного только шаг потому, что и при созерцании грустно-печальной обыденной картины:

...И мужика «обличим с иконы» / легко, к примеру, встретить у моста...

Во многих стихах неразрывна связь с родным краем и в личностных отношениях, кажется даже, довлеет над ними:

*<...> Оставь свою многоэтажку / И приезжай справлять престол.
Луга за церквою в ромашках, / И на Кроме – в купавах дол.*

*Ты скажешь: «Слышал, жизнь – не сахар / В твоём заманчивом краю».
Но поклянусь под смертным страхом, / Что и таким его люблю.*

*С тобою спорить не берусь я. / Разор и глушь на сотню вёрст,
Но здесь – родительский погост, / И здесь ветра пропахли Русью.*

Негромкими словами, из такого же душевного ряда и лада, которыми Николай Рубцов говорил:

*...С каждой избою и тучею, / С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую, / Самую смертную связь.*

Более чем через полвека, не ставя ещё сердечной точки, Татьяна Грибанова в переключке с ним отзывается:

*<...> Здесь волною овсяница ходит в лугах, / здесь татарник баюкают к ночи шмели.
Я в таких захолустных родных уголках / ощущаю сильнее притяженье земли.*

*<...> Моя родина кроткая, тихая / С малых лет до сегодняшних дней
Спеленала меня повилюкою / С побуревших отцовских плетней.*

*Что я значу без поля пшеничного, / Без ракут, без печали прудов,
Без садов с перезрелю вишнею, / Без просёлочных пыльных следов?..*

Особо хочется сказать об ощущении поэтом тайны. Того, что не явно и не явлено иным, того, что только видится и мнится, того, что ни глазу, ни слуху, ни в осязаннях практически не дано никому, кроме него. Помните у Рубцова:

...И пенья нет, но явно слышу я / Незримых певчих пенье хоровое...

О боязни потерять связующую нить с этим неведомым, необъяснимым (которое, вероятно, и делает поэта причастным к тайне же творчества) он восклицает:

*...Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом...*

Оно, вот «это огромное», проявляется и в стихах Татьяны Грибановой, порой иносказательно, порой открыто:

*<...> Цикадами ночь стрекотала в анисовых ситцах,
пыльцою подлунной кропила цветы в палисаде.
И явственно так, словно мне это вовсе не снится,
от поступи чьей-то скрипели в доме половицы,
и глаз не смыкал Чудотворец в старинном окладе.*

.....
*...И саднит печаль, став мучительной раной за годы –
совсем истончилась сакральная связь-пуповина...*

*<...> Бор нахохлится, но впустит: / «Чай, давненько не пугались?!»
И костями валежник хрустнет, / буча ёкнет потрохами.*

*А потом ка-ак жамкнет юшкой / меж корней болотных сосен!
«Слу-шай чу-тко, чу-ткослу-шай!» – / с дрожью шепчутся колёса...*

Тайное и многое неведомое, поселяясь в написанные слова, помимо созерцательной прелести придаёт стихам и глубину, и, при счастливом соединении способности автора передавать, при использовании присущего ему литературного мастерства, пережитое, прочувствованное и виденное, превращает выходящее из-под его пера в прекрасное художественное полотно, ну пусть миниатюру – но именно в художественную! В противном же случае, и при овладении даже всеми тонкостями литературного мастерства, из-под пера «мастера слова», живущего в представляемом лишь, не прошедшем через его душу (за редким исключением из этого ряда), выходят лишь «механические стихи», пускай даже и мастера своего дела, но именно ДЕЛА, который способен написать много, много стихов о чём-либо или ни о чём вообще. Хотя зачастую выглядеть они могут даже изящно.

В случае же, когда человек и чувствует, и видит то, что не дано другим, но из-за отсутствия или недостатка мастерства стихосложения, увы, не может, просто оформив, донести это до читателя или, комкая всё, сумбурно, абы как, доверяет чувства бумаге, мы видим перед собой чувствующего, часто чувственного, мятущегося человека, который если и стремился стать поэтом, то сокрушается о несостоявшемся. Такие люди – было, нет ли у них стремления к написанию стихов, вот они – наиболее тонкие ценители настоящей поэзии изо всех читателей, ибо способны разглядеть, прочувствовать то, что сказал или даже не сказал в своих словах поэт, вложив желаемое, а часто только подспудно чувствуемое в россыпь слов и строчек. По сути, такие люди, конечно, поэты. Но поэты в себе и для себя.

Не возьмусь, да и нет у меня задачи вести разговор обо всём творчестве Татьяны Грибановой. Это слишком ответственная и кропотливая работа. Затронув лишь некоторые стороны творчества, прочтя недавнюю подборку её стихов и вернувшись к тем, что написаны ранее, я просто высказал некоторые свои мысли, к которым и побудили меня её стихи, радуясь тому, что мастерство Татьяны Ивановны позволяет ей передавать картины, образы, видимые и представляемые ею, выражать мысли и чувства, вложив их в простые, тёплые слова, наполнив стихи той доверительностью, что передаётся от души к душе.

И вслед за словами Николая Рубцова «Россия, Русь! Храни себя, храни!» не могу не присоединиться к словам Татьяны Грибановой, многие и многие стихи которой обращены к малой ли, большой Родине, полны любви, надежды и веры:

*О Русь, драгоценная Лада!
Не верю в погибель твою!*

